
Когда отменят проездные
И взвинтят цены за проезд,
Куплю я лыжи беговые
И двину в пригородный лес.

Я с рюкзаком подамся к соснам,
Как к сёстрам, душу распахнув,
И засияют ярче звёзды,
Слезу безрадостья смахнув.

Я побреду за чьим-то следом,
Чтобы ясней узреть свой путь.
И голод будет мне неведом,
И мысль, чтоб где-то отдохнуть.

Скользну, сбегу, умчусь... Уеду!..
Быстрее вихря и огня,

Чтоб лишь Туманность Андромеды
Во снах тревожила меня!

Я знаю: это всё случится!..
Был верный знак седых небес,
Когда прокаркала царь-птица
О новых ценах за проезд...

Белым плюшевым медведем
Снегопад ступает в город.
В маршрутке еле едем –
Маята и разговоры...

Позади вздыхает томно
Пассажир, домой спешащий.
И посапывает ровно
Щен усталый – нос торчащий.

В темноте остекленели
Души фонарей дремотных...
Мы – заложники метели
На условиях погодных.

Составы

Составы размяли суставы,
Настои простоя впитав,
И стронулись ставом усталым,
Как старославянский устав.

И с каждым столбом-километром,
Застывшим саженью косою,
Сживались стреноженно-нервно
С двойною стальной полосой.

Стожки, полустанки, постройки
И стада размеренный ритм
Построились стройно и бойко
В чечётке из слаженных рифм!

Заставы литали и степи,
Мосты у извилистых рек,
Степенную поступь столетий
Сквозь стрелок стремительный бег!..

На станциях статуй стеснялись,
Вставали на ставленный путь...
За стенкой стаканы стучались –
Вещей сокровенная суть.

Вздыхал старый сак с третьей полки.
Терпенье сжималось в кулак.
Взирал кто бездушно, кто – колко
На жизни чужой товарняк.

Мотало в последнем вагоне:
Ни стансов приличных, ни снов.
Застряли железные кони
В депо у чужих городов.

Что станется с ними, немыми,
С разбитым стеклом роговиц,
Ступенями неоткидными,
Тоскою старинных зегзиц?

Их спишут приказом управы
Вдыхать креозот и гнильё...
Приснятся им горькие травы,
Как памятных мест забытьё...

Мне сегодня утром двадцать лет?!
Удивились усики часов.
К ним примкнул продрогнувший рассвет –
Концертмейстер птичьих голосов.

На ветвях наплакалась роса,
Выцвела-истлела кисея,
Где заснула осенью оса
Возле человеческого жилья...

– Двадцать? Неужели? Как же так!
Почему настали, не спросясь? –
Разворчался дядюшка-гамак,
Петлями потягиваясь всласть.

На окне, укутавшись в пакет,
Хризантема звёздами цветёт.
Пятый мне идёт десяток лет,
Только двадцать всё не настаёт.

Книги расшущукались в углу:
– Это сколько минуло минут?..
Солнечный зайчонок на полу
Рассказал, что зеркала не лгут.

Пусть играют тени на стене,
Город варит кофе или сталь.
...Не звони не старящейся мне!
Понапрасну душу не печаль...

Уставшие часы

Часы в глухую полночь встали.
Пустяк? Или зловещий знак?

Предположу: они устали
Жить с новым временем не в такт,

Плыть меж легендою и былью,
Упрятав думы на засов,
Стирать колёсиками с пылью
Частички душ часовщиков.

С остекленевшего момента
Ничто не принято в расчёт.
Без логики и аргументов
В былое время не течёт!

А если каждый день – сегодня,
В чём смыслы завтра жить да быть?
Секунды смёрзлись в новогодье,
И ничего не изменить.

Зеро и точка невозврата
Тревожный потрясают ум:
Какой шёл век? Какая дата?
Всё поглощает белый шум...

В моей безвременной квартире
Нет мест для отдыха и сна.
И в обезвременном эфире
Стоит густая тишина.

Три стрелки вряд ли кто раскрутит.
Ни в чём никто не виноват.
Увязли крепко на распутье
Осей абсцисс и ординат.

Кругом твердят: ещё не вечер!
И верят в долгожданный миг

Вневременной чудесной встречи
Меж миром мёртвых и живых.

В нём, смерть преодолев, болезни,
Вернёшься ты, как с полпути,
И станешь временно полезным,
Чиня уставшие часы.

...Пригрезилось, что время стало.
Но ходики безбожно врут.
Ничто идти не перестало:
Мне пятьдесят. Без двух минут.

Тепло и безветренно в наших краях.
Дождём ледяным не карает природа.
Отсрочил пришествие нудный ноябрь,
И вечность – до старого Нового года.

Пустынно и глухо в мирской пестроте:
Ни слова, ни стоны, ни детского плача.
И дух в первозданной его наготе)
Ещё не настигла шальная удача.

И рано безвольные крылья сложить,
И поздно тужить про иную дорогу...
Есть время светло и свободно пожить,
Что, в общем и целом, – веление Бога.